

О ТРУБАХ, ТРАМВАЯХ И ПРОЧИХ ВАЖНЫХ ВЕЩАХ

Независимая газ. — 1995. — 6 ОКТ. — С. 7

«Берлинер фествохен» ищет след русского «эксилья»

Вадим Журавлев

Другие берега

В СЕНТЯБРЕ этого года в рамках «Берлинских фестивальных недель» берлинская «Дойче опер» впервые обратилась к оригинальной редакции оперы Мусоргского «Борис Годунов», известной также как редакция Павла Ламма. Сам композитор, к сожалению, не закончил ни одну из своих опер, что до сих пор вызывает разночтения в их трактовке. В последние годы в мире получили признание редакции русского Шостаковича и англичанина Ллойд-Джонса. Самая популярная в России версия Римского-Корсакова за кордоном табузирована, как не соответствующая замыслу композитора (так оно и есть на самом деле).

«Дойче опер» расположена в западной части Берлина, что в свое время и определяло ее высочайший уровень. Ныне же театр переживает трудные времена, что не в последнюю очередь связано с культом главного режиссера Геца Фридриха.

В гигантской метрополии столицы объединенной Германии найти след русских, обитавших здесь в 20-е годы и названных немцами «эксилья», непросто. Фашистская диктатура и годы царствования Стены начисто смели Берлин Владимира Набокова и других русских художников. В собственном путеводителе по тому Берлину Набокова («Возвращение Чорба») нет-нет да и мелькнет образ Берлина 90-х. Готовясь к поезду бундестага, город превратился в гигантскую стройку, где на каждом шагу валяются трубы, «с двумя отверстиями и таинственной глубиной», напоминавшие Владимиру Владимировичу немецкое имя Otto, а в зоосаде по-прежнему вяло жуют свои листья гигантские черепахи. Вот только серые митенки трамвайных кондукторов исчезли вместе с трамваями, которые заменили чудакватые омнибусы и катакомбы метро.

В этом городе, соединенном из двух половинок, я впервые в жизни потерялся и чуть не опоздал на спектакль. О, лучше бы опоздал! Или вообще не нашел фешенебельную «Дойче опер», которая отважилась поставить «Бориса Годунова» Мусоргского в оригинальной редакции композитора. Главным режиссером театра Гец Фридрих всегда слыл профессионалом высокого класса: несколько лет назад мы видели в Москве его достойный спектакль «Лоэнгрин» на гастролях Шведской оперы. Русская тема оказалась Фридриху «не по зубам», и заветное желание актуализировать русскую историю с помощью событий семидесятилетней давности и последних лет выглядит, скорее, анекдотом из серии «Собрались русский и немец...» Железные клетки и солдаты, сбжавшие прямо с поста №1 у мавзолея, полупьяная толпа с пол-литрами в

руках и шинкарка, очищающая «калашниковка» вместо селезени. Весь этот ватпучный набор «русских атрибутов» создает в угоду режиссеру сценограф Готфрид Пилльц.

Некая помесь диктатора и затравленного интеллигента, царь Борис скорее напоминает светлого бухгалтера (особое сходство — от вязаной кофты с кармашками). Финский великан (кстати, один из самых интересных вагнеровских басов) Матти Салминен переигрывает каждую секунду, к тому же он совершенно не в состоянии правильно интонировать музыкальный язык Мусоргского. Впрочем, никто из солистов не мог похвастаться в этот вечер хорошим русским языком или умением петь столь приближенные к речи речитативы Мусоргского, в чем немалая вина главного дирижера испанца Фрюбека де Бургоса. С особой грустью наблюдала я, как образ Пимена превращен Куртом Ридлем в мелкого стучака, плашивый Вяслав Охман изображает 17-летнего Самозванца, а ветеран оперной сцены Рене Коло в сером, с налетом истебанизмента смокинге глядится кэгэбэшником, которым детей влору пугать. Но когда в сцене «под Кромами» по блестящему, натертому с немецкой аку-

бальзама, и через пять минут забываешь о существовании «Дойче опер» и всего мира вообще! Аристократические манеры оркестра и Аббадо не позволяют им выплескивать необузданные порывы страсти, чем часто грешат русские оркестры. Сдержанность, отсутствие наносной эмоциональности и «шелестящая кощунственность» музыки, являемая Аббадо, делают каждый пассаж Концерта божественным откровением.

Многочисленные авторские переделки «Ночи на Лысой горе» Мусоргского на этот раз были представлены оперной редакцией 1880 года. Шабаш ведьм, «полночная гофманиана» в честь цветущих папоротников и того, пред которым «самый смрадный грешник — воплощенная благодать». Эта черная месса, после чистоты и прозрачности музыки Рахманинова, могла показаться кощунством, если бы не великолепное исполнение с участием хора Берлинского радио и детского хора из Южного Тироля. Украинский бас Анатолий Кочерга, по праву дирирующий в русском басовом репертуаре, предстал ироничным и величественным Сатаной.

«Поэма экстаза» Скрябина поставила победную точку. Аббадо, которому одинаково великолепно

Сцена в корчме с солдатами Кремлевского гарнизона.

ратностью полу в третий раз из Берлина поползли русские танки, подумалось: «Ведь был же в прошлом году в Зальдбурге умный и тонкий «Борис» Вернике — Аббадо, когда американцы и немцы пели не хуже русских, так, что дух захватывало». Пришлось искать русский след в резиденции Аббадо — Берлинской филармонии.

Суперсовременное ее здание забыто до отказа: сегодня концерт «братства вольных музыкантов» - оркестра Берлинской филармонии, последние 50 лет борющегося с «Винер филармоникер» за звание лучшего в мире. Он не устает поражать меломанов своими концертами под руководством шефов — Фуртвенглера, Караяна, а теперь и Аббадо. С первых тактов шлягерного Второго фортепианного концерта Рахманинова на душу проливаются капли живительного

удаются сложнее, типично русские, «разбросанные вариации» Мусоргского и современные шедевры Ноно, улавливает не только импрессионизм Скрябина, но и всю бездну атональных красок, которую предвещает нечеловеческий порыв автора «Поэмы экстаза». Цветные, красочные, терпкие, острозвучащие гармонии достигают и предельной концентрации вновь и вновь повторяющихся музыкальных массивов ударных, элегантно подвижностью медных и тонкостью динамических решений — от «черепаших» (панцирь, по Набокову, «вековой, потертый, тусклая бронза, великолепный груз времен») нарастаний до грандиозного колосса, ослепительного, точно золотой дождь финала, возмещающего всему миру «Я есмь!»

Берлин — Москва